

— Что такое? Что случилось, государь? — Императрица У мгновенно проснулась и вскочила, даже не успев накинуть одежду. В одном нижнем белье она принялась похлопывать императора по спине, одновременно обернувшись и крикнув:

— Люди! Государь испугался, принесите успокоительный чай!

Император схватил императрицу У за нежную кисть, махнул рукой, показывая, что чай не нужен, и, переведя дух несколько раз, едва успокоил выпрыгнувшее в горло сердце:

— Мы... нам приснился сон...

Императрица У нахмурилась:

— Сон?

Император, с которого градом катился пот, кивнул, казалось, хотел что-то сказать, но не знал, с чего начать. Спустя мгновение он нерешительно, хрипло произнёс:

— Нам приснилось... что гора Тайшань раскрылась, и под землёй оказались двенадцать... двенадцать золотых статуй, достигающих небес...

Верная служанка с успокоительным чаем быстрыми шагами вошла в чертог Цяньтай, приоткрыла полог ложа, бесшумно приблизилась к уху императрицы У и что-то тихо прошептала.

Императрица У кивнула, давая знак удалиться, затем, немного подумав, повернулась к императору.

— Государь, — её голос, хотя и мягкий, звучал с недоумением, — Инь Кайян из Скрытых врат... просит аудиенции у входа в чертог.

— Дань Чао? — Наследный принц Ли Хун приоткрыл дверь, осторожно выглянул, наконец робко вошёл в комнату:

— Гвардеец Дань? Дань... брат Дань?

В комнате никого не было. На столе лежали бумага и кисти, постель была простой, но аккуратно заправленной, выстиранная форма гвардейца была тщательно сложена в квадрат и лежала у изголовья.

Ли Хун нерешительно обошёл круг и вдруг заметил, что окно, ведущее во внутренний двор, приоткрыто. Он подошёл и толкнул его.

— Гвардеец Дань!

За домом шла крытая галерея. Дань Чао лежал спиной к принцу на перилах, одной рукой подпирая лоб, в другой держа кувшин вина, весь вид его был упавшим и подавленным — даже не нужно было смотреть, по густому запаху алкоголя можно было понять, сколько он выпил.

— Ты... ты осторожнее! — Ли Хун, лишь взглянув на его спину, почувствовал тревогу:

— Смотри не упади, подожди, я подойду!

Ли Хун отступил на два шага, развернулся, выбежал из комнаты, обежал ряд соединённых комнат стражников и, запыхавшись, подбежал с дальнего конца крытой галереи:

— Брат Дань Чао! Что с тобой?

Дань Чао был пьян, его лицо покраснелось, взгляд отсутствующим уставился в небо за галереей, словно не слыша вопроса наследного принца. Ли Хун ждал довольно долго, уже собирался спросить во второй раз, когда вдруг услышал, как тот коротко рассмеялся, поднял кувшин и отпил ещё.

— Ничего, — равнодушно произнёс он, сел и похлопал по перилам рядом:

— Не называй меня братом, садись, ваше высочество.

Ли Хун немного поколебался, но всё же вскарабкался на перила рядом и сел, свесив ноги.

Свешивать ноги во дворце считалось очень грубой и неприличной позой. Ли Хун украдкой огляделся: в полдень у стражников было время смены караула и приёма пищи, длинная крытая галерея была совершенно пуста. Только тогда он облегчённо вздохнул и спросил:

— Брат Дань Ча... гвардеец Дань, я искал тебя три дня и не мог найти. Что случилось? Произошло что-то?

В душе Дань Чао копились мрачные мысли, но он никак не мог излить их перед выросшим в тепличных условиях принцем, и лишь горько усмехнулся:

— Всё в порядке, беспокоит ваше высочество. Эти три дня у меня нет дежурства.

Ли Хун, наблюдая за выражением его лица, понимающе произнёс «а» и сказал:

— Эти три дня в императорском дворце тоже было спокойно. Государь, неизвестно с чего вздумав, постоянно собирал приближённых чиновников для закрытых бесед, но заместитель министра Дай так и не смог узнать, кого именно призывали — влияние Восточного дворца на чертог Цзычэнь на этом и заканчивается. Но, к счастью, в императорском дворце никаких движений не заметно, и мне тоже редко выпало несколько дней отдыха.

Он потянулся и улыбнулся:

— Особенно теперь, когда императрица сопровождает государя, даже командующий Се не выходит из дома. В Восточном дворце редко бывает такое спокойное время.

Дань Чао, возможно, был пьян, и слова вырвались сами собой:

— Командующий Се эти дни...

Он внезапно оборвал себя.

Но сказанные слова уже не вернёшь. Принц, не заметив лёгкого раздражения за угрюмым лицом Дань Чао, пренебрежительно сморщился:

— Командующий Се ушёл лечиться. Говорят, лечится, но вчера приказал срочно доставить из его усадьбы в столице личную служанку. Дворцовые слухи говорят, что она ещё и очень красива.

Пальцы Дань Чао, сжимавшие кувшин, напряглись.

Служанка, личная служанка... наверное, это Цзиньсинь?

Или, может, не Цзиньсинь, неважно, в доме Се много красивых девчонок, какая разница, кого привезли?

Выпитое вино словно превратилось в огонь, разливающийся по всем конечностям, жгучий и кислый, Дань Чао даже чувствовал, как пар из его ноздрей становится обжигающим — настолько, что на мгновение он даже не мог издать звук.

— Распущенность и разврат, вот и всё, — фыркнул Ли Хун, хотел ещё что-то сказать, но вдруг вспомнил, что Дань Чао сейчас служит в императорской гвардии, и с трудом сдержал презрение, лишь тяжело вздохнув:

— Ладно, не будем о них говорить.

Дань Чао поднял кувшин и молча отпил большой глоток.

— Пьянство вредит здоровью, пей меньше, — принц, как маленький взрослый, стал уговаривать:

— Если поживёшь в этом дворце подольше, поймёшь, что хоть дворец и является самым почётным и богатым местом в мире, он же и самое не подходящее для свободного проявления чувств. Захочешь съесть лишний кусок любимого блюда, провести лишний день с любимым человеком — и сразу множество людей обрушат на тебя правила и моральные принципы, не говоря уже о лишнем глотке вина для разрядки. Где тут найдёшь возможность утопить печаль в вине?

Дань Чао подумал, что избил племянника императрицы, не исключено, что завтра всё раскроется и его сошлют за три тысячи ли. Ему, даже если бы он хотел, не под силу понять утончённые страдания дворцовой знати.

Но этот наследный принц всегда был чрезмерно мягким и чувствительным, поэтому Дань Чао не стал касаться этой темы, горько усмехнулся и перевёл разговор:

— Если жизнь во дворце тяжёлая, то разве бесчисленные простолюдины за его стенами не живут в муках? Тебе кажется, что люди на воле свободны, но ты не знаешь, что за одну твою одежду, одну пару обуви, даже за один кусок еды в твоей миске множество людей готовы променять свою свободу, терпя голод и холод.

— Я же не говорю, что хочу стать простолюдином, — Ли Хун, даже будучи осажённым, не рассердился, а наоборот, с завистью посмотрел на него:

— Если бы у меня были такие боевые искусства, как у тебя, брат Дань, я бы странствовал с мечом по всему свету, один. Не то что голод и холод, даже если бы пришлось терпеть, так что с того!

Это была ситуация «ты не рыба, откуда тебе знать, что чувствует рыба».

Дань Чао не знал, плакать или смеяться, и махнул рукой, показывая, чтобы он не шутил, но принц серьёзно сказал:

— Ты не понимаешь, иногда я и вправду так думаю. Эх... раньше я мог поговорить об этом с Сяо Пэй, а теперь даже ей не могу рассказать.

Упомянув Пэй Цзылю, Дань Чао на мгновение замер, поднимая кувшин, и спокойно спросил:

— Почему?

Ли Хун глубоко посмотрел на него и встречный вопрос:

— Ты что, и от меня скрываешь? Я что, в глазах людей настолько закаменелый, бесчувственный и консервативный человек?

Дань Чао молчал.

— Сяо Пэй всё мне рассказала, — равнодушно произнёс Ли Хун. — Если бы не ты, брат Дань Чао, в ту ночь её жизнь была бы разрушена — если бы семья Пэй заперла её в храме на всю жизнь, это ещё считалось бы милосердием. Хе-хе, не думай, что это шутка. Конфуцианские аристократические семьи именно такие. В конечном счёте, это я во всём виноват.

Не ожидал, что Пэй Цзылю в подробностях рассказала принцу об этом смертельно опасном деле. Всё-таки молода, испытывает наивное доверие к принцу, но с другой стороны, это показывает, какое мнение окружающие имеют о характере принца. Дань Чао невольно сказал:

— Это дело — результат скотского поведения Хэланя Миньчжи, какое отношение оно имеет к вашему высочеству?

Ли Хун прямо спросил:

— Если бы Сяо Пэй не была со мной, стали бы эти люди за ней охотиться?

Дань Чао онемел от такого вопроса.

— Они считают, что семья Пэй хочет выдать дочь за меня — хотя семья Пэй и вправду так думает, и государь тоже этого хочет. Поэтому, уничтожив Сяо Пэй, они косвенно наносят удар по Восточному дворцу, по мне — в этом их настоящая цель. Иначе за что им рассчитывать против маленькой девочки Сяо Пэй?

Ли Хун протянул руку за кувшином, но Дань Чао отдернул руку:

— Слишком крепкое.

Ли Хун не стал настаивать, вздохнул.

— Я не особенно любил Сяо Пэй, по крайней мере... поначалу не очень, — Ли Хун сделал паузу, сказал:

— Но все эти расчёты и сделки — дело государя, семьи Пэй и ещё многих заинтересованных людей, она же просто маленькая девочка, которую прислали сопровождать меня. Со временем в моём сердце она стала как младшая сестра, и я не думал, что это причинит ей вред.